

Второй госпоже Су тоже пришлось несладко. Приютить племянников из родного дома и навлечь на себя такие беды — теперь её раскаяние было столь же безграничным, сколь велика была недавняя гордость. Она всерьез надеялась возвыситься над супругой самого хоу, но, увидев вошедшего юношу, лишь задрожала от ярости:

— Зачем ты явился?! Вы с сестрой окончательно погубили свою тетку!

Лицо Янь Цзымина стало мертвенно-бледным. Он рухнул на колени перед второй госпожой Су и, уткнувшись лицом в пол, зарыдал:

— Тетушка, она... она мне не сестра! Моя настоящая сестра умерла вместе с матушкой много лет назад. Эта женщина — её служанка, Тао Юйчжу. Она притворилась сестрой, обещала позаботиться обо мне...

Собеседница в ужасе вскочила с места. Она не могла поверить в подобную нелепицу, и в глазах её потемнело — она едва не лишилась чувств.

— Вы... как вы посмели пойти на столь чудовищный обман?! Как ты сможешь теперь смотреть в глаза родителям в загробном мире?

— Тетушка, я виноват! Умоляю, спасите меня! Я был глуп и мал, Тао Юйчжу обвела меня вокруг пальца!

Цзымин полз на коленях, вцепившись в подол её платья.

Госпожа Су и впрямь хотела бы забыться беспамятством. Какая-то дворовая девка посмела занять место законной дочери знатного рода и несколько лет наслаждаться всеми благами жизни! Тетка ненавидела племянника за то, что он так долго хранил эту тайну. Знай она раньше — придушила бы дрянью собственноручно, лишь бы та не успела навлечь позор на дом хоу.

Но падать в обморок сейчас было нельзя. Стиснув зубы, она произнесла:

— Идем со мной. Нужно всё рассказать твоему дяде и самому хоу. Сможем ли мы спастись — один Небожитель ведает.

Хоу Юнчан как раз пребывал в нерешительности, не зная, как заговорить с младшим братом о разделе имущества, когда тот сам явился к нему вместе с женой и племянником. Когда второй господин Су раскрыл правду о подмене Тао Юйчжу, титулованный глава рода застыл, не в силах вымолвить ни слова. Весь их благородный дом водила за нос простая служанка! Вспоминая, как еще недавно они готовы были превозносить её до небес, хоу готов был

выколоть себе глаза от стыда.

Его супруга тоже едва не лишилась чувств. Она дорожила своим положением и честью, а вышло, что она заискивала перед рабой! К тому же, госпожа хоу открыла личную сокровищницу и одарила девку драгоценностями, надеясь, что будущая княгиня Чжэньбэй станет опорой для её сына.

— Господин, что же нам теперь делать?

Мужчина несколько раз мерил комнату неровными шагами, после чего остановился и с тяжелым вздохом произнес:

— У нас только два пути. Первый — идти к государю и покаяться, признав, что весь наш дом стал жертвой обмана. Второй — тебе, брат, нужно немедленно отправиться в резиденцию Чжэньбэй, добиться встречи с князем и всё объяснить. А после... Останется лишь ждать, какое наказание изберет император.

Он понимал, что даже официальный раздел семьи сейчас вряд ли поможет им избежать ответственности.

— Я также попытаюсь через дворцовых наложниц замолвить слово, — добавил он, надеясь на силу «подушечных разговоров».

— Видимо, иного не дано.

Пока хозяева дома Юнчан разделились — один поспешил во дворец, другой к князю Чжэньбэй, — супруга хоу, снедаемая обидой, велела своим людям пустить по городу слух об истинном происхождении той распутной девицы.

Всё это в точности соответствовало расчетам Му Чэнъяня. Даже если бы дом хоу промолчал, он сам нашел бы старых слуг семьи Янь, чтобы разозоблачить Тао Юйчжу. Далеко не все они уехали в столицу, и нашлось бы немало свидетелей. В крайнем случае, можно было вызвать в Пекин других родичей Янь, и правда всё равно бы выплыла наружу.

Разоблачение Тао Юйчжу имело и еще одну цель — потешиться над старым императором. Если сам государь нечист на руку, то и сын его не лучше: готов был на всё ради простой служанки. Му Чэнъянь предполагал, что узнав правду, старик захлебнется от злобы.

И государь действительно едва не лишился чувств от слов хоу Юнчана. Он был готов немедленно отправить весь их род на плаху, но тот, отбросив всякую гордость, рыдал у его ног, клянясь, что они сами стали жертвами обмана. Как мог благородный дом осознанно приютить рабыню под видом госпожи, пусть даже и из купеческой семьи?

Император задыхался от гнева. Как какая-то девка посмела проявить такую дерзость, а Цзиньсюань — так ослепнуть, что пошел против воли отца ради неё!

— Стража! Немедленно бросить мерзавку в темницу!

Если раньше её просто держали под охраной, то теперь Тао Юйчжу отправилась напрямик в застенки Тяньлао.

Тем временем в резиденции Чжэньбэй Му Чэнъянь ледяным тоном выслушал признания второго господина Су. Затем он указал на одного из своих людей и велел:

— Отведи его к Му Цзиньсюаню. Пусть повторит всё слово в слово.

Господин Су опешил. Он догадывался, что отношения князя с наследником натянуты, но увиденное превзошло все ожидания: Му Чэнъяню было совершенно безразлично, какой удар это нанесет «сыну».

Слуги беспрекословно исполнили приказ. Увидев Му Цзиньсюаня, Су невольно вздрогнул. После того как лекари вынесли приговор — нога останется искалеченной, — маленький князь пребывал в состоянии, близком к безумию. Его взгляд, полный жажды крови, пугал до смерти.

Но старый князь Му пугал еще сильнее. Одно его невозмутимое присутствие заставляло колени Су дрожать, и лишь выйдя из комнаты, он обнаружил, что вся его спина взмокла от пота.

— Ваше Высочество, если бы не признание Янь Цзымина, мы бы так и оставались в неведении! Вторая госпожа Су с момента замужества не бывала в родном доме, она увидела племянников впервые в столице. Мы верили всему, что они говорили! Кто мог подумать, что она решится на такое злодеяние? Умоляю, пощадите наш дом, мы не ведали, что творили!

Су говорил, опустив голову, и в наступившей тишине слышно было лишь тяжелое, прерывистое дыхание маленького князя. Когда он осмелился взглянуть на собеседника, то едва не вскрикнул от ужаса: глаза того налились кровью, а на лбу вздулись вены.

— Вон!

Внезапно взревел Му Цзиньсюань, хватая чайную чашку и швыряя её в гостя.

Су успел увернуться, и промах лишь сильнее взбесил Цзиньсюаня. Неужели даже эта ничтожная тварь смеет выказывать ему неуважение теперь, когда он стал калекой? Забыв о боли, он рванулся с постели, желая собственноручно проучить наглеца.

Но второй господин Су, избежав удара, уже поспешно ретировался. Раз ему велели убираться — он не заставит себя ждать. За спиной он услышал тяжелый звук падения и истошный крик боли, но лишь прибавил шаг.

«Я ничего не видел, ничего не знаю! Я лишь раскрыл правду о девке, а остальное — не моя забота»

Твердил он себе. Он искренне не понимал, как Му Цзиньсюань мог так увлечься этой Тао Юйчжу, что расторг помолвку с дочерью наставника. Даже если бы она была той, за кого себя выдавала, она всё равно не была ровней княжескому наследнику. Что мешало просто сделать её наложницей и развлекаться, как душе угодно?

В итоге весь город стал свидетелем этого позорного спектакля. Маленький князь оказался просто слепцом.

Попытка Му Цзиньсюаня вскочить с постели закончилась повторной травмой голени. Слуги в панике снова вызвали императорских лекарей. Когда те прибыли, больной уже немного затих. Осмотрев ногу, лекарь лишь горестно вздохнул про себя: травма и без того была тяжелой, а теперь хромота будет еще более выраженной.

Вслух он ничего не сказал, лишь оставил лекарства и строго наказал слугам следить за покоем. Любое движение сейчас лишь продлевало время неподвижного лечения.

Но едва лекарь ушел, Му Цзиньсюань вцепился в рукав своего евнуха:

— Где Чжифу? Я хочу видеть её. Сейчас же!

Если раньше его любовь была полна нежности и романтики, то теперь, лишившись будущего и здоровья, он впервые спросил о ней с какой-то пугающей настойчивостью. Своя жизнь и положение теперь стояли на первом месте.

Евнух, не зная, как господин относится к известию о подмене, осторожно ответил:

— Государь узнал обо всём. Янь Чжифу и её брат схвачены. Император намерен выбить из них имена тех, кто устроил на Вас покушение.

— Это не она! Я должен видеть её!

Евнуху пришлось отправиться за новостями, и то, что он узнал, было еще страшнее. Он бегом вернулся к господину:

— Ваше Высочество! Хоу Юнчан был у государя, и тот в великом гневе велел бросить девуцу в

Тяньлао! Что же нам делать?

— Скорее... несите носилки! Я должен ехать во дворец! Я увижу государя!

Слуги пытались его удержать, но разве это было возможно? Им пришлось готовить носилки, обкладывая их мягкими одеялами, чтобы уменьшить тряску. Никто не решился доложить об этом Му Чэнъяню, но князю и без того сообщали о каждом вздохе в покоях «сына».

Теперь Му Чэнъянь наблюдал за этими метаниями как за забавным представлением. Цзиньсюань сам усугубил свою травму; если раньше оставался хоть мизерный шанс на исцеление, то теперь он исчез окончательно.

И ради той женщины он снова рисковал собой, стремясь во дворец. Именно такому ничтожеству старый император хотел передать власть над армией Севера.

Му Чэнъянь понимал, что старик сам виноват в том, каким вырос его любимец. Старик не давал князю воспитывать мальчика, боялся его влияния — вот и пожинай плоды.

«Сам вырастил — сам и терпи»

— Подумал Му Чэнъянь.

— Готовь тушь.

— Слушаюсь.

Князь принялся писать письмо. Он подробно изложил все события в резиденции, действия дома Юнчан и новости из дворца. Исписав несколько листов, он вызвал У И. Тому не нужны были приказы — он и так знал, что послание отправится к Тао Юаньцзину. В последнее время их переписка стала необычайно частой.

Тем временем на улицах города, благодаря стараниям супруги хоу, новость о подмене Тао Юйчжу разлетелась со скоростью лесного пожара. Жители столицы и не чаяли получить столь жирный кусок сплетен. Все сходились на том, что девица — сушная ведьма, приносящая несчастье каждому, кто на неё посмотрит.

Сын министра Яня уже в темнице, и вряд ли выйдет оттуда прежним. Где тот блистательный щеголь? Исчез бесследно. А маленький князь? Калека, вот его итог.

— Говорю вам, она — лисица-оборотень в человеческом обличье! Высасывает из мужчин силы, а потом они тонут в бедах.

— А видел её кто? Неужто она и впрямь так хороша, что ради неё мужики готовы друг другу глотки рвать и воле императора перечить?

— Да уж верно красавица, иначе бы так не одурманила.

— Красавица? Да бросьте! Слыхали — она вовсе не Янь, а какая-то Тао. Бывшая служанка, раба подзаборная! Небось, маленький князь и господин Янь сейчас локти кусают от позора.

Благородные дамы Пекина после этого случая стали еще строже присматривать за сыновьями. Нельзя потакать их капризам, особенно в выборе жен. Жена должна быть добродетельной, а если в дом войдет такая, как Тао Юйчжу, то и весь род пойдет ко дну.

Больше всех в этой ситуации торжествовали в доме наставника и в семье той девушки, с которой был помолвлен Янь Жусун. Оба дома были оскорблены расторжением браков, но не смели открыто мстить из-за влияния князя Чжэньбэй. Теперь же им оставалось лишь злорадно посмеиваться.

Хотя репутация их дочерей немного пострадала от несостоявшихся свадеб, Му Чэньань вовремя вмешался, не дав Тао Юйчжу окончательно разрушить жизнь невесты Жусуна. Сейчас те семьи радовались: лучше перетерпеть временные сплетни, чем выйти замуж за калеку или за того, кто гниет в застенках.

В доме наставника бабушка крепко обняла внучку:

— Какое счастье, что помолвку расторгли! Не хватало тебе выйти за калеку. И ладно бы только нога — душа у него оказалась пустой, раз он променял тебя на служанку.

Мать девушки была еще резче в суждениях:

— Видать, она знает, как ублажать мужчин, раз из грязи в князи метила. Пусть теперь живут в любви и согласии, раз уж император их благословил указом. Нам-то что!

Старая госпожа посмотрела в сторону дворца:

— Боюсь, государь этого так не оставит.

— Бабушка, говорят, маленького князя на носилках понесли во дворец! — вбежала служанка с новостью.

Собеседница лишь коснулась лба:

— Теперь посмотрим, чья воля окажется сильнее — императорская или этого мальчишки.

Ответ стал известен к вечеру. Му Цзиньсюань вернулся из дворца, и вместе с ним прибыла женщина. Люди наставника разузнали: при нем теперь будет состоять служанка по имени Тао Юйчжу.

Только тогда старая госпожа поняла, как всё обернулось. Императорский указ был на брак с Янь Чжифу, но та официально «погибла от рук разбойников», так что брак стал невозможен.

Спас ли Му Цзиньсюань свою возлюбленную, забрав её к себе в качестве рабыни? Вряд ли. Теперь она была в полной его власти, не имея прав и защиты. Хозяин мог безнаказанно бить её и продать в любой момент. Дни, когда её носили на руках, остались в прошлом.

Юаньцзин тоже узнал о судьбе Тао Юйчжу из письма Му Чэнъяня. Она теперь была личной служанкой Му Цзиньсюаня, обязанной исполнять любые его прихоти. Если маленький князь мучился от боли по ночам и не мог уснуть, она не смела сомкнуть глаз подле него. Стоило ей оступиться или не угодить ему — и в неё летели чашки и всё, что попадалось калеке под руку.

Юаньцзин лишь холодно усмехнулся. Вот она, «великая любовь». В той жизни, где не было его и Му Чэнъяня, их чувствами восхищались, о них слагали легенды. Теперь же — перебитая нога и горькая ложь. Любовь лопнула, как мыльный пузырь. Юноше даже стало немного жаль — он ожидал от Му Цзиньсюаня большей твердости, а тот лишь выторговал себе право издеваться над той, кого называл любимой.

Но на этом беды не закончились. Спустя пару дней старый император, изливая гнев, нашел повод и разжаловал министра Яня в простолюдины. Янь Жусун остался в темнице. Резиденция хоу Юнчан тоже пострадала — титул был отозван, хотя жизни им сохранили.

Пока столица гудела от скандалов, настал день оглашения результатов хуэйши. Ученые мужи пребывали в некотором смятении: казалось, экзамены в этот раз отошли на второй план. За всё время не было устроено ни одного приличного литературного собрания — все только и делали, что обсуждали похождения троицы.

Лишь в день оглашения списков волнение вернулось, заставив сердца кандидатов биться чаще. Возле министерства ритуалов собралась огромная толпа. Праздничный павильон перед воротами был куда великолепнее тех, что строили для провинциальных испытаний.

Четырнадцатилетний Юаньцзин не слишком выделялся среди кандидатов, съехавшихся со всей страны. Были здесь и те, кому перевалило за шестьдесят, и даже отцы, сдававшие экзамен вместе с сыновьями.

Однако земляки юноши возлагали на него, Юй Сяо и Цзоу Вэйтина большие надежды. Впрочем, они прочили им места во втором классе. Попасть в первый класс было почти невозможно — на это претендовали несколько прославленных двадцатилетних талантов из

именитых семей.

Юаньцзин лукаво взглянул на товарищей:

— Что, в этот раз не спорите, чье имя будет выше?

Друзья переглянулись. Юй Сяо лишь фыркнул, а Цзоу Вэйтин миролюбиво улыбнулся:

— Если попаду во второй класс, буду вполне доволен. В нынешние времена... лучше не высовываться. А вот тебе, Юаньцзин, и вовсе не о чем беспокоиться.

Юноша был слишком молод. Даже если он окажется необычайно талантлив, вряд ли кто-то рискнет втягивать его в политические интриги. К тому же, за его спиной стоял учитель, а в самой столице — грозный Ди Жун. Малый возраст порой бывал отличным щитом.

Юй Сяо неожиданно согласился с Вэйтином:

— Можно было бы подождать еще три года, тогда бы твое место в списке точно было выше. Но три года — долгий срок. Нельзя оставлять тебя одного на этом поле битвы.

Юаньцзин рассмеялся. Они пили чай и болтали, пока не началось объявление имен. Глашатаи начали зачитывать список с одиннадцатого места. Счастливики, слышавшие свои имена, едва не лишались чувств от радости.

— Тринадцатое место — Цзоу Вэйтин, префектура Вэньчан!

— Поздравляю, брат Цзоу!

Юаньцзин, Юй Сяо и другие знакомые тут же принялись осыпать его поздравлениями. Это был блестящий результат.

— Двадцать седьмое место — Юй Сяо, префектура Вэньчан!

— Ха-ха! Прошел! И место даже лучше, чем я думал!

Юй Сяо ликовал. Он был всего на пару лет старше друга, но его жизненный опыт не шел ни в какое сравнение с мудростью товарища. Что же до таланта к стихам, Юаньцзин признавал, что друзья в этом сильнее — его собственные строки, по словам учителя, были слишком «ремесленными», хотя для экзамена этого было более чем достаточно.

Чтение продолжалось, но имени Юаньцзина всё не было. Спутники не сомневались: раз его нет

среди первых двухсот, значит, он вошел в золотую десятку.

Всего в тот год звание цзиньши получили двести человек. Ликование одних мешалось со слезами других. Наконец глашатаи вернулись к началу списка и стали объявлять десятку лучших в обратном порядке. Каждое имя встречали громом аплодисментов.

— Десятое место... Девятое...

— Брат Чжан, я же говорил, что ты сдашь! Ты действительно в десятке лучших, поздравляю!

<http://bllate.org/book/15835/1503537>